

РЕДЬЯРД КИПЛИНГ 1865-1936

МЕНЯ СОЗДАЛА ИНДИЯ

Поднятый Нельсоном перед Трафальгарской битвой флажковый сигнал вовсе не гласил: «Англия ждет, что каждый станет героем».

Он гласил: «Англия ждет, что каждый выполнит свой долг». Так оно и должно быть.

Йохан Хейзинга. «В тени завтрашнего дня.»

Словарь Киплинга — словарь Империи.

В письме к Райдеру Хаггарду в 1902 году Киплинг назвал Англию «самой замечательной за границей», в которой ему довелось побывать. Англия не была для него родиной — его родиной была Британская Империя.

Киплинг не был ни реалистом, как Голсуорси, ни модернистом, как Элиот, — он был последним великим английским романтиком.

Романтизм — неизбежный атрибут империи, особенно империи погибающей.

Редьярд Киплинг родился в 1865 году в Индии, куда его отец, неудачливый декоратор и скульптор, отправился с молодой женой в поисках постоянного заработка, спокойной жизни и солидного положения в обществе.

До шести лет мальчик рос в кругу дружной семьи, в родном доме, где его воспитанием занимались, в основном, индийские няни и слуги, отчаянно баловавшие своего подопечного.

Эта пора его жизни была самой счастливой в жизни. Героем нескольких лучших его рассказов станет очаровательный шестилетний диктатор Тодс, умница и шалун, боготворимый взрослыми: «Тодсу не приходило в голову, что кто-то может не подчиниться его приказу, и, когда мама Тодса бывала не в духе, он выступал посредником между нею и слугами. Мир и порядок в доме зависели от Тодса: его обожали все домочадцы, от дхоби до мальчишки, присматривающего за собаками...

Он, разумеется, умел говорить на урду, но вдобавок владел многими менее важными языками — например, чхота боли, на котором изъясняются женщины — и с одинаковым успехом беседовал и с лавочниками, и с горцами-кули.»

И вдруг этот свободный, уютный мир рухнул — Редьярда вместе с младшей сестрой отправили в Англию в частный пансион на попечение дальних родственников. Хозяйка — жестокая вздорная ханжа — сразу невзлюбила независимого мальчишку, и для него начались годы нравственных и физических мучений: допросы с пристрастием, запреты, изощренные наказания, побои, издевательства.

Редьярд досконально изучил науку ненависти и познал бессилие жертвы.

Потрясенный внезапной потерей семьи и свободы, он даже не пытался бунтовать, но иступленно мечтал о мести, осуществить которую ему удастся лишь много лет спустя, во "второй", художественной реальности — когда владыка зверей Маугли снесет с лица земли обидевшую его деревню, когда герой автобиографического романа "Свет погас" изобьёт до полусмерти лицемера издателя, когда славные английские солдаты будут уничтожать злых и коварных врагов.

В реальности же Редьярд был вовсе не "железным" мстителем, а слабым ребенком, и в конце концов нервы его не выдержали. После особенно унижительного наказания (за какую-то ничтожную провинность мальчика заставили ходить в школу с надписью «лгун» на груди) он тяжело заболел, на несколько месяцев полностью потерял зрение и долго балансировал на грани умопомешательства.

Спас его только приезд матери, которая немедленно забрала детей из "Дома отчаяния". Но детские страхи продолжали преследовать его всю жизнь, возвращаясь в кошмарах и галлюцинациях, отзываясь в рассказах и стихах.

«Когда детским губам довелось испить полной мерой горькую чашу Злобы, Подозрительности, Отчаяния, всей на свете Любви не хватит, чтобы однажды изведенное стерлось бесследно, даже если она ненадолго вернет свет померкшим глазам, и туда, где было Неверие, заронит зерна Веры».

Киплинг «Паршивая овца»

Обезличенная, загнанная внутрь ненависть не перестала быть ненавистью, так же как подавленный ужас не перестал быть ужасом.

В 12 лет Киплинг продолжил свое образование в Девонском училище, "Вествард-Хо!". Официально это был Колледж вооруженных сил. Здесь готовили детей офицеров для поступления в престижную военную академию.

Позже он рассказал о "Вествард-Хо!" в книге «Сталки и Компания» («Stalky & Co.»). Правдивая и в силу этого – беспощадная книга. Иронично и эмоционально, а главное, достоверно описано, как в викторианскую эпоху дрессировали будущих «строителей империи», используя присущую подросткам жестокость для выработки агрессивности и стойкости будущих мужчин.

«Здесь достойные мужи
Нас, избрав, учили,
Не скупясь на бич и плеть:
Ежедневно – бич и плеть
(Памятуй сейчас и впредь!)
Ибо нас любили.

Нам открылись сто дорог
(каждому – иная):
Мемфис, Троя, Вавилон,
Гималайский дикий склон,
Зной полуденных сторон,
Города Китая!

GROUP TAKEN AT WESTWARD HO BY MR. CROFTS (KING) WITH KIPLING IN THE CENTRE, ABOUT 1882

Так отплатим же мужам
Славным – славной данью,
Ибо, зная жизни смысл,
В нас вложили здравый смысл,
В полном смысле Высший смысл -
Тот, что выше знания!»

Такая вот педагогика, и при этом эти юноши непрерывно читают, отлично разбираются в литературе, сами сочиняют и ставят спектакли, и в непринужденной беседе органично используют латынь. И в этой «школе» невысокий, щуплый и очкастый Киплинг не только прижился, но и стал писать, начав с хлестких и обидных эпиграмм на товарищей, коротеньких рассказиков-зарисовок.

Здесь он стал внимательным к слову: «ни в прозе, ни в стихах у меня нет ни единой строки, которую я не твердил бы на все лады, пока она не зазвучит приятно, а после многих повторений память механически отбрасывала явные излишества».

«Порядок приучает человека беспрекословно исполнять свою роль в обществе, прививает чувство долга и корпоративный дух» - Киплинг всей душой принял этот принцип, вместе с глубоким уважением к военной службе. Директор школы Кормелл Прайс стал его настоящим духовным наставником. Он составил для Редьярда специальную учебную программу и освободил его от обязательных спортивных игр.

Именно Прайс первым понял, что Киплинг - одаренный литератор.

Киплинг закончил школу не по годам зрелым человеком. В семнадцать лет он уже твердо решил стать писателем. Редьярд с радостью вернулся в Индию корреспондентом газеты города Лахора.

Он писал репортажи о войнах и эпидемиях, вел "светскую хронику", брал интервью, заводил множество знакомств как в "английской", так и в "туземной" Индии. Постепенно он превратился в великолепного знатока местного быта и нравов.

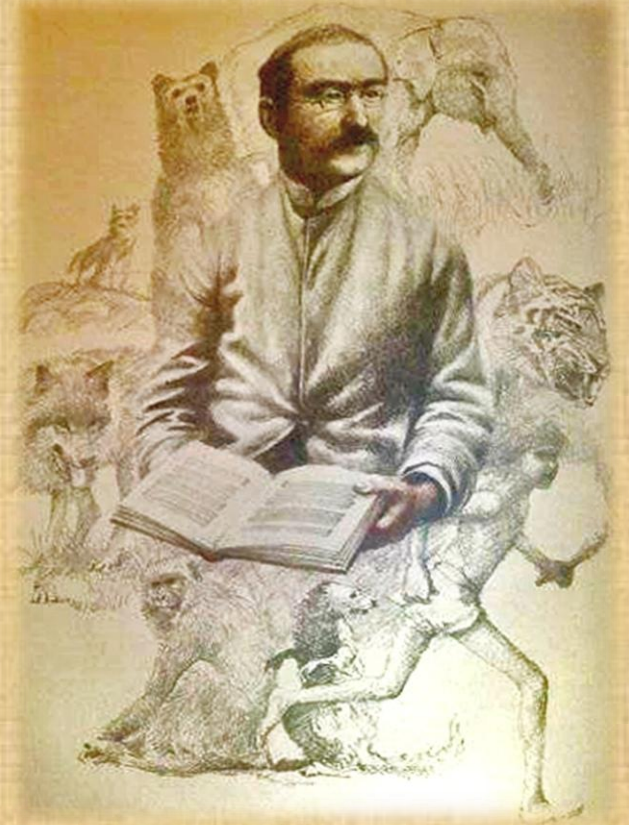

Защитный механизм отчужденности и безразличия, выработанный еще в детстве, превратился в тип литературного и бытового поведения: подлинное «я» старательно прячется от посторонних взоров, а взамен предлагается искусно стилизованный образ «специального корреспондента», ироничного зрителя, циника, бывалого человека, отлично знающего «жизнь как она есть», но эмоционально от нее отчужденного.

Отсюда — ненасытная жажда новых впечатлений, красок, звуков, запахов; отсюда и страсть к путешествиям, которые осмысляются как единственный путь к познанию истины.

«Когда листаешь страницы его "Простых рассказов с холмов", кажется, будто ты сидишь под пальмой и жизнь проходит перед тобой в ослепительных вспышках вульгарности... Недостатки стиля этого рассказчика придают неожиданный журналистский реализм всему, что он нам сообщает. С точки зрения жизни, он репортер, знакомый с вульгарностью лучше кого-либо до него. Диккенс знал ее одежды и ее комичные проявления. Киплинг знает ее суть и ее серьезность».

Оскар Уайльд

Мы знаем, что Томми Аткинс — очередной литературный персонаж, что Индия Киплинга — миф, что Маугли — сказка. Знаем — и продолжаем верить их создателю, потому что он объективен, как скрытая камера.

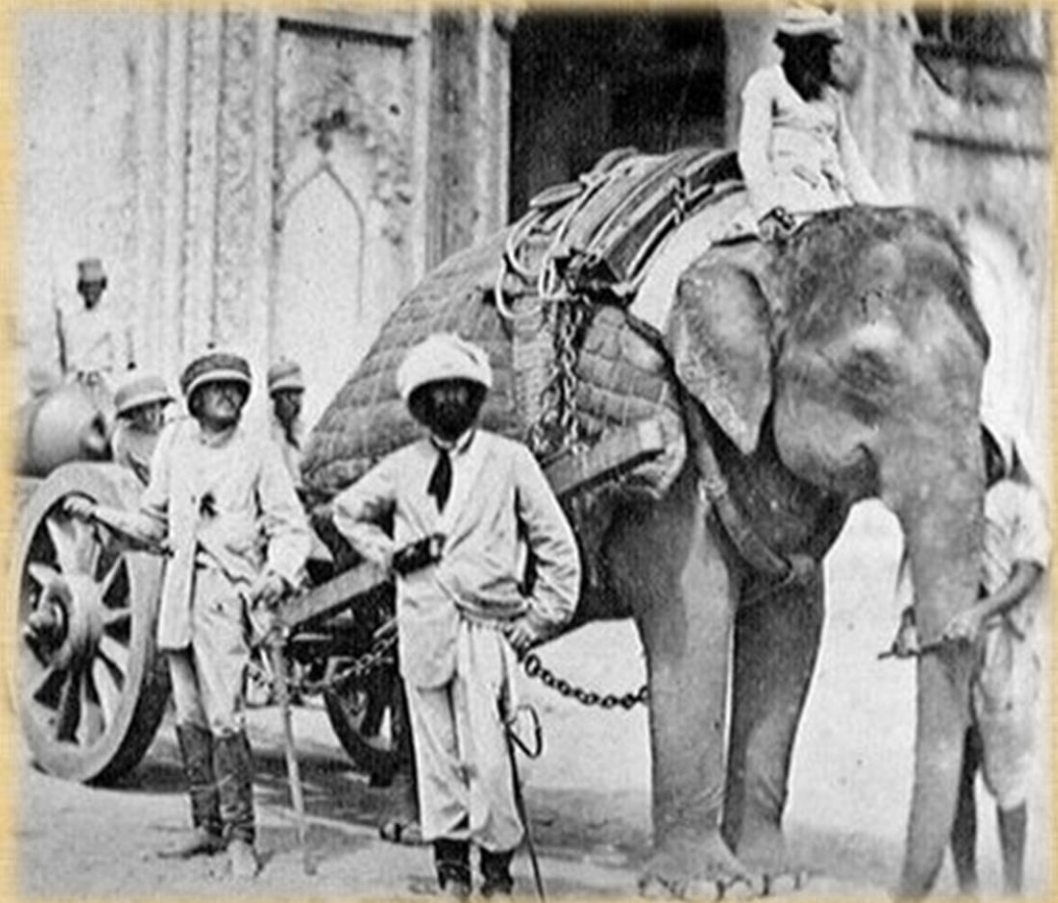
«Игра важнее тех, кто в неё играет».

«Твой жребий - Бремя Белых!

Как в изгнание, пошли
Своих сыновей на службу
Темным сынам земли;
На каторжную работу -
Нету ее лютей,-
Править тупой толпою
То дьяволов, то детей.

• • •

Твой жребий - Бремя Белых!
Мир тяжелей войны:
Накорми голодных,
Мор выгони из страны;
Но, даже добившись цели,
Будь начеку всегда:
Изменит иль одурачит
Языческая орда.»

Для Киплинга человека определяет не тем, что он есть, а тем, что он совершает. Его идеальные герои — людей дела, бескорыстные труженики, которые отправляются на край света, чтобы прокладывать дороги, возводить мосты, лечить, управлять, защищать, строить — словом, чтобы нести, стиснув зубы, «бремя белых».

Преображая мир, герой Киплинга преобразует и самого себя: только действие придает смысл его существованию, только действие выковывает из «дрожащей твари» сильного Человека.

Классическое викторианское сознание было по преимуществу религиозным и вопрос о смысле и цели действия был решен изначально — работая, человек выполнял божественную волю и постигал скрытую от разума сущность явлений.

Труд отождествлялся с молитвой и откровением.

«Британия — чудесный сад, где множество цветов,
Газонов, кустиков, аллей, лужаек и мостов,
Павлины в ней красуются среди статуй и террас,
Но Слава Сада все ж не в том, что восхищает глаз.

Садовники с подручными проводят здесь все дни,
И делают, что сказано, без всякой суеты;
Во время сева криком птиц мы отгонять должны,
Славе Сада ни слова, ни крики не нужны.

. . .

Такой тупой нет головы и ног, что так тонки,
Такого сердца слабого, столь немогущей руки,
Чтоб не нашлось бы им в Саду каких-нибудь работ,
Потому что Слава Сада всех нас вознесет.

. . .

Берись же веселей за труд с надеждой великой,
Снимай с растений слизняков, ходи за земляникой;
Когда же заболит спина и вздуются мозоли,
Слава Сада не оставит и тебя без доли.

. . .

И увидишь — Слава Сада не минует никогда!»

Киплинг «Слава Сада»

Но к концу столетия картина мира резко изменилась: приняв «смерть Бога» за аксиому, культура предложила взамен новую концепцию космоса, который стал мыслиться человеку «гигантской фабрикой, где с оглушительным шумом снуют челноки и крутятся мириады колес и шестеренок... и где он почувствовал себя глупым бездомным ребенком».

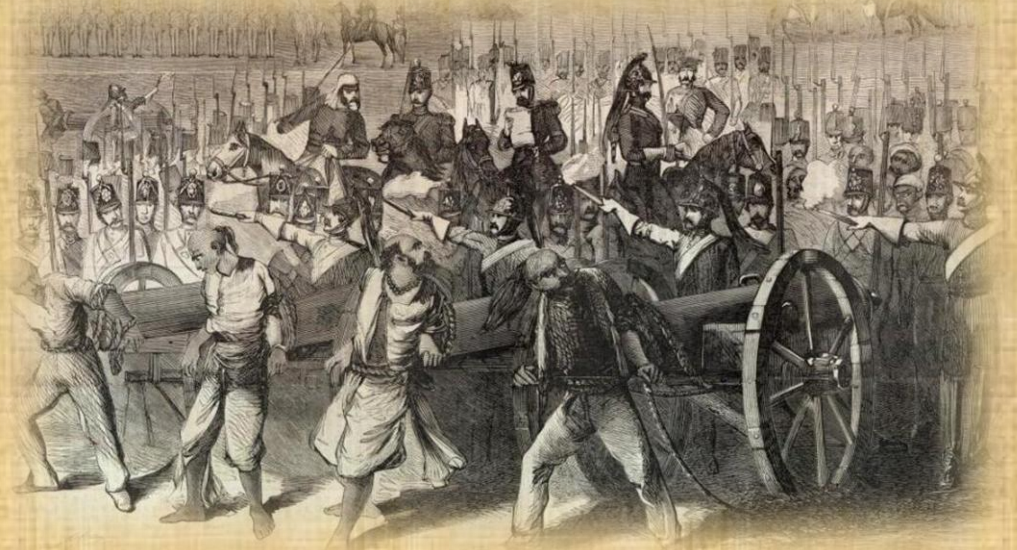
«О Господи, затми тщетою
Мятущийся наш взор,
Чтоб слепо шли мы на убой
И слепо на костер.

Свои Деяния от нас
И Битвы утай,
Чтоб мы не поднимали глаз
На небеса Твои.

...

Пусть вечно разделяет нас
Глухой завесой Тьма,
Чтоб Око Божие и Глас
Нас не свели с ума.»

«Молитва Мириам Коэн»

Киплинг вместе со своим поколением испытал ужас перед опустевшей вселенной.

"Бывают минуты, — говорит он, — когда душа опускается во мрак, ее охватывает страх заброшенности и обреченности, она сознает собственную беспомощность, и это — самый реальный ад, на который мы обречены".

Киплинг считал действие единственным спасением от бессмысленности мира, «мостом между Отчаянием и гранью Ничто».

«Завоевание земли — большей частью сводится к тому, чтобы отнять землю у людей, которые имеют другой цвет кожи или носы более плоские, чем у нас, — цель не очень-то хорошая, если поближе к ней присмотреться. Искупает ее только идея, идея, на которую она опирается».

Джозеф Конрад «Сердце тьмы»

Такой идеей у Киплинга стала идея высшего нравственного Закона, то есть господствующей над человеком и нацией системы запретов и разрешений, "правил игры", нарушение которых строго карается.

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает? »

Европа и Азия обладают собственными внутренними законами и ритуалами, они равны только самим себе и закрыты друг для друга. Но есть «великие вещи, две как одна: во-первых — Любовь, во-вторых — Война», когда законы совпадают: оба они требуют от влюбленного верности и самопожертвования, а от воина — беззаветной отваги и уважения к врагу.

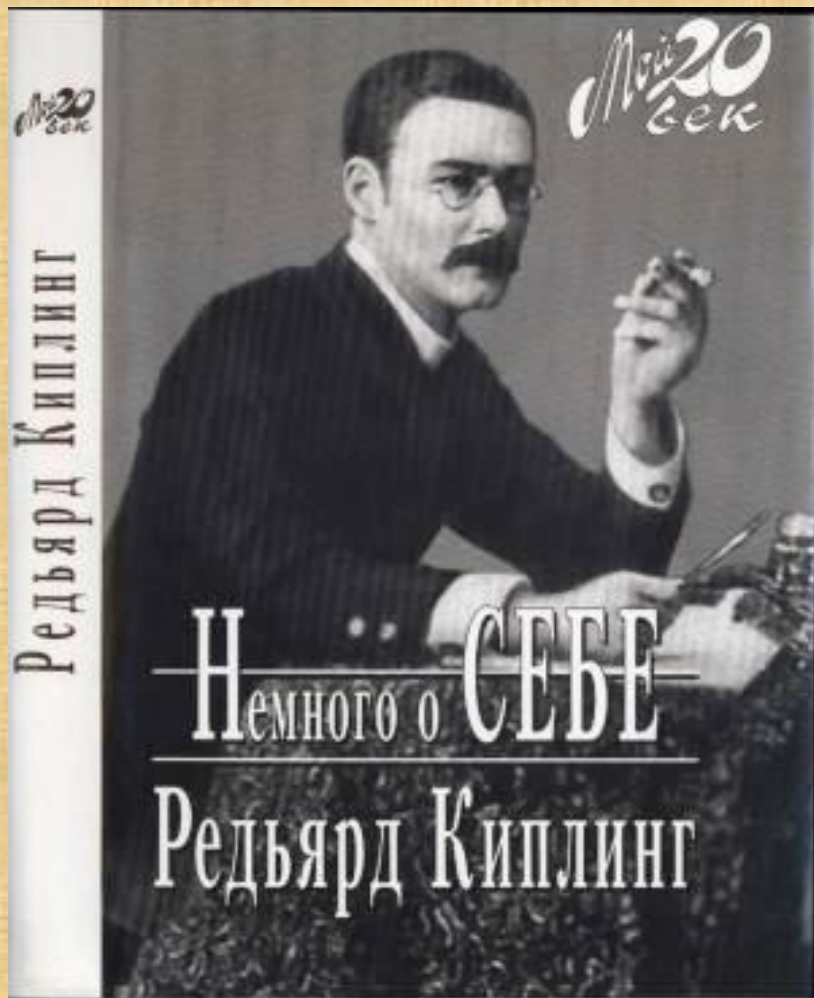
Непроницаемая граница миров временно раздвигается для честного поединка или короткого любовного объятия; но к тем, кто (подобно героям рассказов "За чертой" и "Без благословения церкви") пытается «остановить мгновенье», Закон неумолим — они либо гибнут, либо вновь оказываются перед стеной, преграждающей вход в чужой мир.

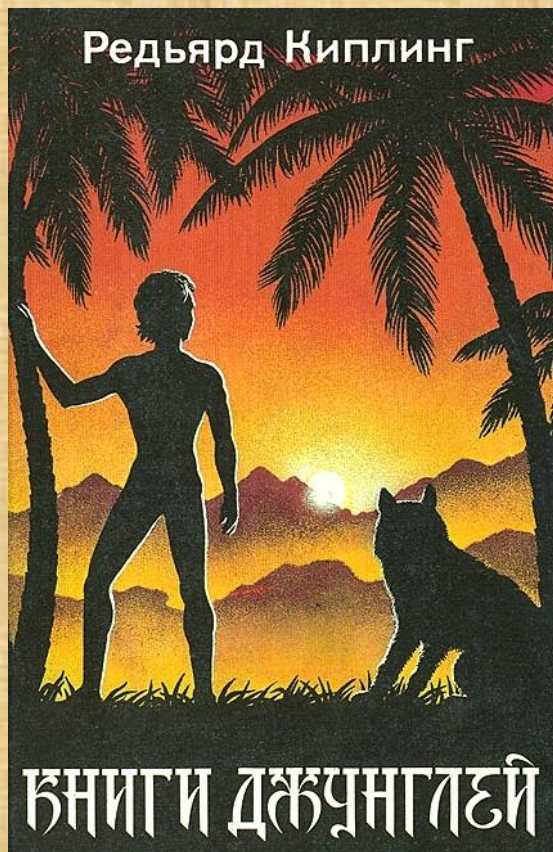
Во всех книгах Киплинга просвечивает жесткая конструкция универсального мифа о человеке — мифа, в котором место богов занимает высший нравственный Закон, воплощенный в Империи, а место культурных героев — "дети Марфы", простые труженики, механики, моряки, солдаты, преданные своей корпорации и отдающие все духовные и физические силы служению общему делу.

Киплинговская модель мира проста и сводит человека и мир к набору элементарных категорий. Абсолютную этическую ценность он приписывал лишь таким человеческим качествам, как мужество, энергия, преданность, стойкость. Они и образуют сетку координат, которую любая культура может признать «своей».

В автобиографии, у которой, кстати сказать, крайне показательное название "Кое-что о себе" (1936), Киплинг скорее прячет, чем открывает свое лицо. Знакомясь с ней, мы все время ощущаем, что нас дурачат, водят за нос, что нам подсовывают конкретное, осязаемое, материально-вещественное "кое-что" вместо духовной целостности. Наконец в последней главе мы попадаем в святая святых — кабинет писателя, и кажется, вот сейчас произойдет долгожданная встреча, но нет: посетителю описывают сорта бумаги и карандашей, говорят о достоинствах ручек и настольных ламп, но человека по имени Редьярд Киплинг увидеть при этом так и не удается.

Почему у слона длинный нос? Почему леопард пятнистый? Как было написано первое письмо?

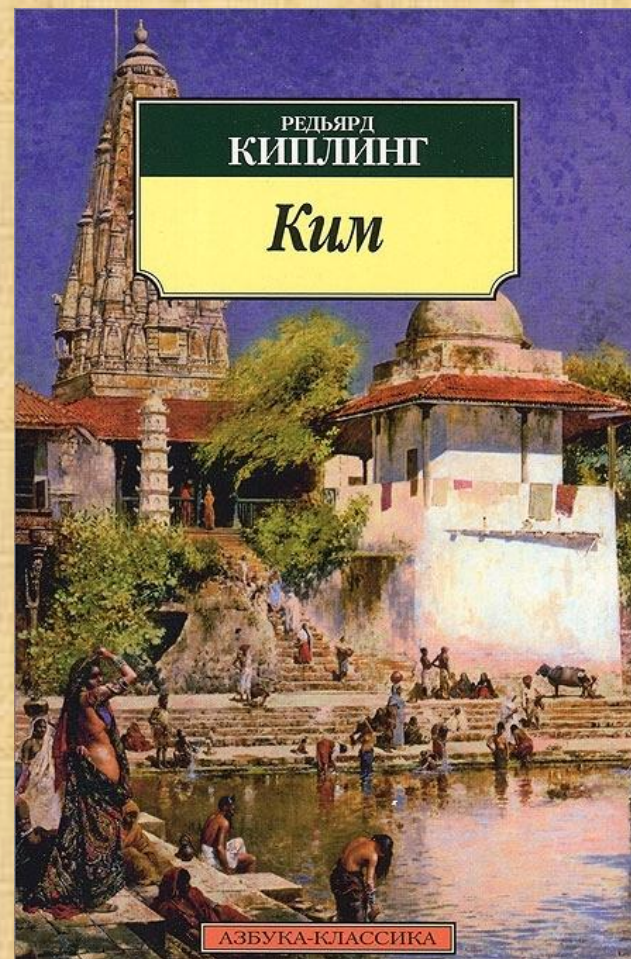
Однажды американская детская писательница Мэри Элизабет Мейпс Додж, автор популярной книги "Серебряные коньки", попросила его написать об индийских джунглях - и воспоминания юности целиком его захватили. Так появилась "Книга джунглей", главную часть которой составляют рассказы о Маугли. Киплинг второй раз открыл себя - как автора рассказов о животных. Потом появятся "Просто сказки". Успех первой "Книги джунглей" был огромным. За ней последовала вторая. Теперь Киплинг был уже чем-то вроде мифотворца.

Знаменитый канадский писатель-анималист Сетон-Томпсон сказал о "Книгах джунглей" так: "Поскольку Киплинг не обладает знанием естественной истории и не делает ни малейшей попытки ее изобразить и поскольку его животные разговаривают и живут как люди, эти рассказы не являются рассказами о животных в прямом смысле слова. Это удивительные, прекрасные волшебные сказки". В этом смысле "Книги джунглей" и смыкаются с киплинговскими "Просто сказками". Эти три книги составили главную славу Киплинга, хотя ранние его рассказы тоже не были забыты.

«Ким» появился в 1900 году и потребовал от автора немало труда. За тем, как шла работа, придирчиво следил самый большой для Киплинга литературный авторитет - его отец. Он ждал, когда книга "сама себя кончит" - иными словами, когда она выльется в законченную форму. Он же ее иллюстрировал.

Герой этого романа - агент английской разведки, но при этом «Ким» - книга бесконечно добрая, ведь в ней речь идет прежде всего о тяге одного человека к другому.

Для Киплинга-романиста и в какой-то мере рассказчика (он не забывает говорить о подчинении личного общему) главная тема - служение Империи. В "Киме" это очень заметно. Но еще заметнее другое - служение одного человека другому, своего рода взаимозависимость людей.

«Гимн физической боли». Киплинг был атеистом, но в тот момент обращался к Богу. Он благодарит Бога за физическую боль, которая, по его словам, «заставляет душу забыть об иной адской муке». И это верно. Сильная физическая боль заставляет человека забыть обо всем. У стихотворения необыкновенно красивое название: «Hymn to physical pain» – «Гимн физической боли». Так еще никто не называл стихов.» Борхес

«Приходишь ты в ночной тиши,
Забвение даря,
Снимая старый грех с души,
Содеянное зря.

Гееннский червь крадется прочь,
И сера не страшна,
Когда мучительная ночь
Одной тобой полна.

Пусть слезы льются в тишине,
Пусть избавленья нет,
И час с тобой наедине
Длиннее тысяч лет.

Пусть темноты ночной никак
Не разомкнуть кольцо,
А жизнь – едва отступит мрак –
Хочет нам в лицо.

И пусть хрипеть иссохшим ртам
С болезного одра:

«Скорей бы утро» – по ночам,
«Скорей бы ночь» – с утра!

Способны мы тебя унять
На несколько минут,
Но червь терзает плоть опять,
И в глотки серу льют.

Ты нам любезна и мила,
Скорей вернись назад:
Пытая смертные тела,
Ты отгоняешь ад!»

Когда Киплинг в январе 1936 года умер, его гроб, накрытый британским флагом, несли премьер-министр Стенли Болдуин и фельдмаршал Монтгомери. Его похоронили в уголке поэтов Вестминстерского аббатства. Пришли телеграммы от короля, королевы и членов королевской семьи.

На похоронах присутствовали послы Франции, Бразилии, Италии, Бельгии. Но на них не явился ни один сколько-нибудь уважающий себя и заметный писатель, художник, композитор, музыкант.

«...Англия хоронила своего величайшего поэта - быть может самого большого с тех пор, как в 1764 году навсегда закрыл свои слепые глаза Джон Мильтон»
Е. Витковский

«Когда хоронят Гулливера, лилипутам негоже идти за его гробом»

Йохан Хёйзинга

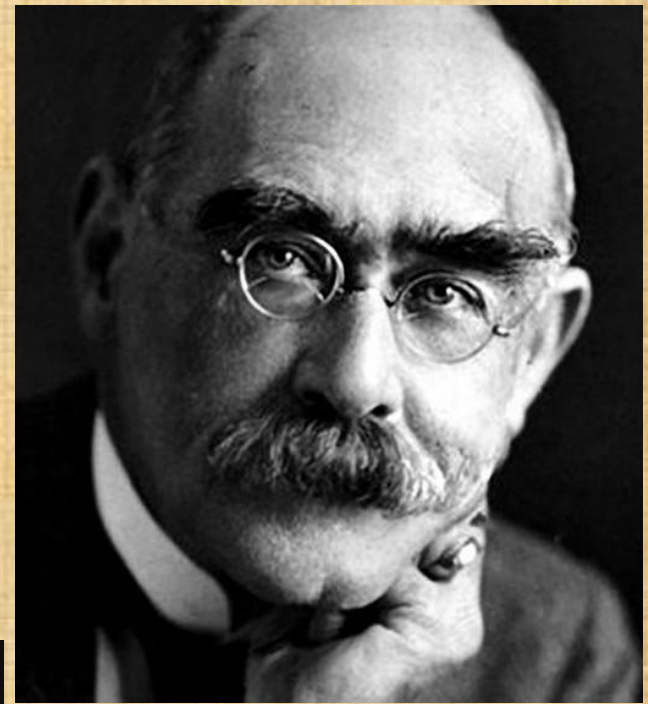
«Редьярд Киплинг — единственный автор в нашей стране, которого можно поставить рядом с Мопассаном и Чеховым. Он — наш величайший мастер рассказа».

Сомерсет Моэм

**«Останься прост, беседуя с царями,
Останься честен, говоря с толпой;
Будь прям и тверд с врагами и друзьями,
Пусть все, в свой час, считаются с тобой;**

**Наполни смыслом каждое мгновение,
Часов и дней неумолимый бег, -
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!»**

**«И, память обо мне храня
Один короткий миг,
Расспрашивайте про меня
Лишь у моих же книг»**

Р. Киплинг